
РЕТРОСПЕКТИВА

А.Ю. ДОЛГОВ, Е.Ю. МЕЛЕШКИНА, О.А. ТОЛПЫГИНА *

ОТ НОСТАЛЬГИИ К ОСМЫСЛЕНИЮ НАСТОЯЩЕГО: СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ¹

Аннотация. В статье анализируются современные представления об СССР. На примере повествований жителей столичного региона показывается, какова специфика образа Советского Союза, как особенности социализации и другого индивидуального и коллективного опыта влияют на оценку советского прошлого и его наследия. В работе используется понятие ностальгии как селективного, меняющегося, фрагментарного мнемонического феномена. Выводы статьи основаны на результатах глубинных интервью (N=11), которые показали разнообразие картин советского прошлого у людей разных поколений, имеющих отличающийся уровень образования и неодинаковый жизненный опыт. Их формирование во многом зависело от контекста, в том числе особенностей социализации. Представления информантов из старшего поколения о Советском Союзе

* **Долгов Александр Юрьевич**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: adolgov@hse.ru; **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; профессор, МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru; **Толпыгина Ольга Анатольевна**, кандидат политических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Россия); научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: olga.antol@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00709 а.

более целостные, в их формировании основную роль сыграла семья. Образ СССР у молодого поколения более противоречивый и фрагментарный, а в его формировании существенную роль, помимо семьи, сыграли другие общественно-политические институты. Несмотря на критические высказывания в отношении СССР, информанты продемонстрировали проявляющиеся в большей или меньшей степени ностальгические настроения. Сравнение высказываний собеседников о сегодняшнем дне и советских временах позволяет заключить, что основными элементами, формирующими эти настроения, является нехватка чувств единения и гордости за страну, а также отсутствие ощущения заботы со стороны государства.

Ключевые слова: Советский Союз; ностальгия; формирование идентичности; память о прошлом; социализация.

Для цитирования: Долгов А.Ю., Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 245–273. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>

После падения коммунистического режима и распада СССР в России происходила трансформация политики по формированию новой идентичности, в которой переосмыслению, созданию новых трактовок и образов недавних событий стало придаваться особое значение как одному из средств конструирования и консолидации нации и ее границ. Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку зрения на мир» [Брубейкер, 2012, с. 42]. Соответственно соотношение возникающих и конкурирующих нарративов на уровне риторики и коллективных представлений, официальная политика памяти и ее восприятие гражданами во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности.

Нации – это «воображаемые сообщества» памяти и забывания [Billig, 1995]. В этом явлении присутствует то, что мы называем «публичной» или «национальной памятью». Это не то, что мы «имеем» или чем «владеем», а то, что мы «создаем» [Andrews, 2003] на основе «больших исторических нарративов» национальных групп и «маленьких нарративов» индивидов. Следовательно, национальная память и национальные нарративы – площадки соревнования, где встречаются «официальная культура» и «народная культура» [Vodnar, 1992].

Особое место в определении конфигурации коллективной памяти в современной России занимают воспроизводство, транс-

формация и восприятие образа СССР и его отдельных элементов, событий и фигур, с ним связанных на уровне политической риторики и представлений обычных граждан. Статья посвящена анализу особенностей представлений об СССР жителей столичного региона. На этом примере показывается специфика образа Советского Союза в сознании рядовых граждан, влияние индивидуального и коллективного опыта на оценку советского прошлого и его наследия.

Концептуальные и методологические основания исследования представлений об СССР

Проведенные в России массовые социологические опросы показывают, что большинство респондентов сожалеют о распаде Советского Союза. В частности, согласно опросам ФОМ, в январе 2014 г. сожалели о том, что СССР распался, 54% респондентов (79% – в 2001 г.). Обратного мнения придерживались 25%¹. При этом 74% опрошенных полагали, что воссоздание СССР сегодня невозможно (12% – что возможно). Значительная часть опрошенных испытывают ностальгические чувства по советскому прошлому. По данным опроса ВЦИОМ 2010 г., при слове «советский» каждый третий житель России (31%) испытывает ностальгию. Почти каждый пятый (18%) – гордость. Каждый десятый – восхищение или надежду. Лишь у 6% это слово вызывает «разочарование», у 1–2% – страх, стыд, гнев или ненависть². Приведенные данные позволяют утверждать, что ностальгические настроения являются актуальными для массового сознания россиян.

Аналізу феномена ностальгии, ностальгических образов и их использованию в повседневной жизни и политической риторике и практике посвящен целый ряд исследований³. Существует и

¹ О распаде СССР. Что думают сегодняшние россияне о распаде СССР? // ФОМ. – Режим доступа: <https://fom.ru/Proshloe/11314> (дата посещения: 15.07.2020).

² «Советский» да любовь // Российская газета. – 02.02.2010. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/02/02/sovetsky.html> (дата посещения: 15.08.2019).

³ Это и исследования общего характера, осмысливающие и раскрывающие феномен ностальгии, и работы, посвященные ностальгии по коммунистическому прошлому, его проявлению и представителям [Bartmanski, 2011; Boyer, 2006;

ряд работ, в которых рассматриваются политические аспекты ностальгии по СССР¹. Однако эти работы фокусируются на отдельных элементах ностальгии по советскому прошлому, отдельных фигурах или событиях. Они не рассматривают феномен ностальгии по СССР в политической риторике и практике в его целостности. В связи с этим заслуживает внимания вышедшая в 2019 г. книга под редакцией О. Беле, Б. Норденбоса и К. Роббе, посвященная постсоветской ностальгии [Post-Soviet ..., 2019]. В ней постсоветская ностальгия рассматривается как дискурсивная практика, использующаяся в определении разнообразия идеологической повестки дня. Авторы пытаются показать, как ощущения потери и перемен превращаются в составные части идеологического механизма государственного строительства и национальной мобилизации, а также локального сопротивления и утверждения индивидуальной автономии. Эта книга представляет исключительную ценность в первую очередь как первое обобщающее описание различных аспектов ностальгии по СССР. Вместе с тем представленная в ней картина использования ностальгических настроений в политике несколько фрагментарна, а концептуальные основания нуждаются в уточнении.

Несмотря на то что эти работы, посвященные изучению феномена ностальгии, в целом отличает определенная фрагментарность, отсутствие обобщающих сравнительных исследований, а многим из них свойственно слабое различие политического и неполитического уровней проявлений ностальгии, они представляют большой интерес для анализа ностальгических образов и их использования в политике России. Помимо описания конкретных проявлений ностальгии, в этих работах представлены различные попытки ее концептуализации, в том числе через ностальгические образы прошлого, их основные характеристики, отдельные механизмы их использования в политической риторике и практике.

Одна из важных характеристик ностальгии, которую выделяют исследователи, – ее селективность, предполагающая обращение лишь к отдельным положительным фрагментам действитель-

Dremel, Zekić, 2019; Matejova, 2018; Klumbytė, 2008; Nikolayenko, 2008; Reksć, 2015; Sierp, 2009; Velikonja, 2009; White, 2010; Мелешкина, 2018 и др.].

¹ Например, в трудах Т. Шерлока обсуждаются вопросы отношения к фигуре Сталина и сталинизму на высшем уровне власти в России и его отражение в символической политике [Sherlock, 2016].

ности. С помощью их объединения в одну картинку создается «позитивная, прекрасная история о прошлом (“память минус боль”), которого никогда в таком виде не существовало» [Velikonja, 2009]. Иными словами, основными чертами ностальгического дискурса являются комплиментарность и эпизодичность создаваемого образа прошлого [Velikonja, 2008, p. 28]. Такие особенности ностальгического образа прошлого вполне объяснимы тем, что контуры коллективной памяти определяются прагматической рефлексией «лидеров» памяти, которые используют созданные на основе фрагментарного восприятия действительности образы для обеспечения общественной поддержки. Данные фрагменты извлекаются из контекста и соединяются между собой в позитивный образ без учета этого контекста. В результате в рамках формируемого образа прошлого часто включаются отдельные фрагменты: социальная защищенность, стабильность, успехи в культуре и спорте и т.д. Прагматическими соображениями и отсутствием отсылок к контексту объясняются и другие особенности ностальгии – вневременность и экстерриториальность [Velikonja, 2008, p. 28]. Поскольку ностальгические образы формируют конкретные «лидеры памяти» со своими порой конфликтными интересами, действующие в конкретных условиях, ностальгия отличается также многозначностью и наличием конфликтных нарративов [Velikonja, 2008, p. 28]. Похожим способом характеризуются и антиностальгические образы.

Ностальгические воспоминания о прошлом далеко не всегда свидетельствуют о желании это прошлое вернуть. Они, например, могут играть роль попытки наполнить современный мир позитивными элементами прошлого¹. Подобные запросы особенно актуализируются под влиянием быстрых изменений различных сторон жизни в период социально-политических трансформаций. И свойственны они людям разных поколений вне зависимости от личного опыта жизни в определенном периоде прошлого, в том числе молодежи.

В нашем исследовании мы использовали эти представления о ностальгических образах, рассматривая их не как нечто цельное

¹ *Todorova M. Daring to remember Bulgaria, pre 1989 // The Guardian. – 9.11.2009. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/nov/09/1989-communism-bulgaria> (accessed: 10.04.2020).*

и постоянное, а как сложные изменяющиеся и порой фрагментарные конструкции.

В научной литературе существует ряд работ, посвященных образу СССР в сознании россиян, основанных на результатах углубленных интервью [Головашина, 2013; Касамара, Сорокина, 2014; и др.]. Вместе с тем этим работам свойственно недостаточно ясное и убедительное концептуальное основание, в том числе в отношении ностальгических образов в сознании, недостаточное внимание к контексту, влияющему на формирование и воспроизводство образов в индивидуальной памяти.

Для учета контекста и его воздействия на представления о советском наследии в нашем исследовании использовался критический интерпретативный подход, который предполагает, что социальная память не может быть изучена вне социального контекста, в котором она сформировалась. Критическо-интерпретативный подход базируется на трех допущениях. Первое заключается в особом значении условий (например, политических, социокультурных, дискурсивных), при которых социальная память «имеет значение», превращается в «общественное дело» [Brown, 2008; Campbell, 2008]. Это настраивает на рассмотрение социальной памяти как относительного феномена и ее понимание в терминах «взаимодействия разнообразных интересов и точек зрения» [Olick, 2007, p. 187–188].

Второе допущение состоит в том, что интерпретация и понимание недавнего прошлого (особенно наследия коммунизма, индивидуальные и коллективные оценки этого периода) в большей степени – предмет интереса профессиональных исследователей и политиков, нежели обычных людей. Важно поэтому понять, как создаются, циркулируют и распространяются индивидуальные и социальные смыслы во взаимодействии между людьми, между малыми группами при использовании официального национального аппарата памяти. Поэтому исследование социальной памяти в новых демократиях предполагает учет «состязательности» [Connolly, 1993] социальных и политических категорий, которые являются источниками дискуссий и морализаторства и могут иметь разное значение для разных людей.

Третье допущение заключается в том, что исследование социальных феноменов предполагает признание напряжения между формальной, систематической идеологией и «живой» ее формой, представляющей собой совокупность повседневных практик соз-

дания и интерпретации смыслов [Ideological dilemmas ..., 1988]. Социальная память не просто отражает или выражает «закрытую систему для разговоров о мире», но скорее артикулирует «противоположные темы, которые дают основу для дискуссии, аргументации и дилеммы» [Ideological dilemmas ..., 1988: 6]. Эти дискуссии и аргументы во многом определяют то, как создаются, циркулируют и воспроизводятся индивидуальные и социальные смыслы в обществе [Billig, 1996]. Поэтому исследование политической и социальной памяти предполагает изучение противоречий и совместного влияния формальных и «живых» (на уровне здравого смысла) представлений и форм знания [Andrews, 2007; Trust ..., 2004].

В качестве основного метода исследования нами было использовано глубинное интервью, которое позволяет получать более насыщенную и содержательную информацию о смыслах, вкладываемых людьми в те или иные явления, события и действия, о мотивах их поведения и влиянии контекста на формирование их представлений. Критериями отбора информантов в нашем исследовании выступали два фактора: место жительства и возраст.

Все наши информанты проживали в Москве. Кто-то родился и всю жизнь прожил в столице России, кто-то переехал сюда из российских регионов или ближнего зарубежья. Москва как место проживания информантов была выбрана нами в связи с тем, что столичный город представляет концентрированный казус советских практик – политических, идеологических, социально-культурных. Социально-политические тенденции, характерные для советской системы, формировались и наиболее ярко проявляли себя в Москве. Также в столице символическая, медийная, коммуникативная инфраструктура достигает наибольшей плотности. Она в большей степени доступна москвичам, нежели жителям нестоличных регионов.

Информанты подбирались методом «снежного кома», а также приглашались к участию в интервью через социальные сети (в этом случае поиск происходил в многочисленных группах и сообществах, посвященных ностальгии по СССР, и в группах российских политических партий и движений).

Мы выделили две возрастные группы, одна – информанты в возрасте 24–37 лет, вторая – старше 50. Всего было опрошено 11 информантов, пять человек в группе старше 50 лет (из них четыре человека старше 60 лет) и шесть человек – в группе более

молодых собеседников. Включение в выборку представителей разных возрастных категорий позволило нам учесть влияние различного контекста на восприятие СССР. Основой для выделения этих возрастных групп послужила специфика социализации каждой группы. Социализация информантов старшей возрастной группы проходила в советские времена. Это тот контекст, в котором сформировались когнитивные и поведенческие паттерны информантов, в котором они прожили большую часть жизни, в котором прошли их детство и молодость. Молодые информанты были представителями поколения миллениалов. В классификации В.В. Радаева это пятое из шести современных российских поколений. Его представители родились преимущественно в период реформ 1982–2000 гг., а их взросление происходило в период российской «стабильности» 2000–2016 гг. [Радаев, 2020, с. 46–49].

Социализация младшей возрастной группы проходила в других социально-политических условиях и в другой стране. Представители данной группы или родились уже после распада Советского Союза, или провели в нем раннее детство. Своего личного «советского опыта» у этой группы уже не могло быть (или он был весьма ограниченным), и их отношение формировалось под влиянием внешних и, возможно, разнонаправленных воздействий – медиа, кино- и ТВ-фильмы, книги, референтные группы, «значимые другие» из старшего поколения (семья, знакомые, педагоги и т.д.) (см., например: [Головашина, 2013, с. 197]). Соответственно, мы исходили из того, что картина советского прошлого у информантов старшей группы будет носить более целостный и законченный характер, а у молодежной группы – более фрагментарный и эклектичный.

При разработке гайда интервью мы ориентировались на перечень основных функций, выполнение которых ожидается от государства (см. об этом, например: [Мелешкина, 2011]), на совокупность черт ностальгических образов коммунистического прошлого в других странах (см. об этом, например: [Мелешкина, 2018]), на имеющиеся социологические исследования. Нам также было важно прояснить, как респонденты описывают воспроизводство советских традиций и практик в современном политическом процессе, культуре и повседневной жизни.

Проведенные крупными российскими социологическими центрами опросы позволяют выявить более-менее устойчивый на-

бор составных частей образа СССР и их примерную иерархию. В частности, согласно опросу ФОМ, проведенному в декабре 2011 г., среди причин, по которым респонденты сожалели о распаде Советского Союза, отмечались следующие. Во-первых, отсутствие прежнего единства, возникновение межнациональных конфликтов. Во-вторых, статус СССР на международной арене. В-третьих, тот факт, что был порядок, стабильность в стране. В-четвертых, возможность свободного перемещения и общения в СССР. В-пятых, наличие в СССР социальных благ. В-шестых, отсутствие в СССР безработицы¹. В опросах Левада-центра также фигурируют похожие мотивы сожаления о распаде СССР². Похожую картину дают опросы ВЦИОМ и другие исследования (см., например: [Головашина, 2013]).

В интервью мы задавали вопросы об основных функциях СССР как государства, о повседневной жизни людей и о том, в каких формах сохраняется наследие СССР в современной России. Это позволило проследить логику рассуждений информантов о советских государстве и обществе и связать ее с их биографиями, жизненным опытом и политическими взглядами, а также с тем, какую роль память о советском прошлом выполняет в их понимании национальной идентичности.

Отношение старшего поколения к советскому прошлому

Как показывают результаты проведенного неформализованного интервью, на отношение к советскому прошлому и ностальгию по советскому периоду существенно влияет первичная социализация собеседников, особенно это характерно для «старшей группы» информантов (60 лет и старше). Главным инструментом социализации у этой поколенческой группы выступает семья, семейная история и ее опыт. Причем семейная память в большей степени влияет на отношение к советскому прошлому, чем идеологические и политические институты советского периода. Однако

¹ 20 лет назад распался СССР: Опрос ФОМ // ФОМ. – Режим доступа: <https://fom.ru/Proshloe/10284> (дата посещения: 10.05.2020).

² Ностальгия по СССР // Левада Центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/12/25/nostalgia-po-sssr/> (дата посещения: 11.05.2020).

образование, личные жизненные траектории, социальное окружение также выступают достаточно значимыми механизмами социализации, но они, скорее, подкрепляют ту картину мира, которая складывается в семье.

Биографии и социальное происхождение информантов старшей возрастной группы существенно различаются, что сформировало разнообразные картины советского прошлого, в чем-то диаметрально противоположные, а в чем-то удивительным образом пересекающиеся.

Первоначально мы оценивали общее отношение информантов к советской системе (советской власти), а также влияние личной и семейной биографии на это отношение. Далее мы анализировали восприятие и оценку отдельных элементов системы – социально-политических институтов, специфики социальных связей и отношений, советской идентичности (идентичностей).

Для некоторых информантов образ советского прошлого, очевидно, выступает итогом длительной рефлексии и анализа. В качестве примера приведем наиболее показательный опыт двух информантов, демонстрирующий полярные оценки советской системы.

Семейная история одной из информанток, коренной москвички, начинается, с одной стороны, с *«довольно известного рода священнического»*, а с другой – с *«известных промышленников, купцов тульских»*, родители информантки были *«известными на всю Россию»* геологами. В семье отношение к советской политической системе было резко негативное – *«к советской власти они (родители) относились плохо, естественно, потому, что была уничтожена семья, всего были лишены»* (ж., 64 года, преподаватель). Однако это негативное отношение не вылилось в критическую позицию по отношению к существующей системе, ее отрицанию или оспариванию. Она, скорее, воспринималась как данность, которая при этом оценивалась с большой иронией и недоверием к любым советским институтам и сформировала политический эскапизм и неприятие институциональной структуры советской власти: *«родители никогда не были ни комсомольцами, ни пионерами, никем, и не занимали никаких административных постов, вообще никогда, это был моветон, заниматься партийными всякими делами...»*. Совсем другая история у одного из информантов. Его родители переехали в Москву из провинции в 20-е годы XX в. «по комсомольскому набору». Отец всю жизнь проработал в

качестве «низового» партийного работника. Как отмечает информант, «низовая» работа отца, заключавшаяся в непосредственном общении с людьми, определялась его личностными качествами – коммуникативными талантами, открытостью, искренней добротой и эмпатией: *«мой отец всю жизнь на партийной административной работе, его призвание по жизни было помогать людям, помогать в любой ситуации. И я помню, как он все время за кого-то хлопотал»* (м., 75 лет, пенсионер). Советское государство предстает в нарративе информанта как изначально человеческая, гуманистическая и справедливая социально-политическая система, направленная на воплощение и раскрытие человеческих качеств, помогающая *«сделать человека и его жизнь лучше»*.

У двух других информантов отношение к советской системе в целом более эклектично, и общую тенденцию выделить сложнее.

Главным социальным институтом, о роли которого говорили все информанты, выступало советское образование, особенно высшее. В ответах информантов оно предстало как главный инструмент успешной жизненной траектории: *«Для меня она (советская жизнь) была нормальная, она была достаточно успешной, в личностном, ну и в материальном плане: я могу все, что можно. Я представлял среднесоветский класс. То есть я прошел по всем ступеням: образование, – получил очень хорошее образование, потом работа... Великолепная школа... в этой среде я чувствовал себя успешным, полезным»* (м., 75 лет, пенсионер).

Об этой же роли образования как социального лифта и механизма изменения жизненного пути, причем общедоступного, говорит еще одна информантка: *«Я точно знала, что, закончив институт, я буду жить лучше. И все знали о себе то же самое»* (ж., 66 лет, пенсионерка). Третья информантка также отмечала роль образования – ее родители и большинство родственников также получили хорошее образование: *«один (родственники) был психолог, академик... другой – директор института ядерной физики, еще один – профессор математики»* (ж., 64 года, преподаватель). При этом успехи родителей и родственников объяснялись не эффективными образовательными институтами, а их личностными качествами и целеустремленностью: *«Родители пробивались абсолютно сами, на фоне тяжелой очень юности. Тем не менее люди были крайне активные»* (ж., 64 года, преподаватель).

На удивление, школа редко фигурировала в качестве влиятельного института социализации, она выступала или в качестве трамплина для поступления в выбранный вуз (две информантки окончили школу с медалью именно с этой целью), или сферой личных связей и отношений (друзья, любимые преподаватели). Политические и идеологические функции школы оценивались с иронией даже теми информантами, которые весьма позитивно оценивают советскую систему.

Зато профессиональная деятельность оказалась очень значимой областью для всех информантов: *«Родители жили в профессии, профессия с утра до ночи, с ночи до утра. А потом и мы с братьями так же. Абсолютно это жизнь в профессии... Эта работа была просто образом жизни»* (ж., 64 года, преподаватель); *«Мой отец всю жизнь работал, приходил поздно, уходил рано, я его и не видел. И мы работали почти так же»* (м., 75 лет, пенсионер); *«Эх, как мы работали – ночевали в лаборатории иногда. Мне звонили и поздно вечером иногда, и ночью – встаешь и идешь»* (ж., 66 лет, пенсионерка). При этом работа у информантов предстает как вклад в общественное благо, с осознанием ее общественной пользы и собственной значимости. Многие информанты говорили об изменении характера работы «тогда» и «сейчас», отмечая «индивидуализацию» профессиональной деятельности в настоящее время, ее переориентацию на индивидуальные блага: *«Сейчас нужно работать, просто я не знаю, круглые сутки, чтобы удовлетворять вот эти потребности, о которых мы и не помышляли тогда... потребности общества потребления»* (ж., 64, преподаватель).

Роль политических институтов также оценивалась информантами по-разному. Так, для двух информанток система политических институтов воспринималась как набор «дурацких правил», стремление к бюрократическому контролю, причем, прежде всего, на локальном уровне, с которым приходилось «постоянно сражаться»: *«И всю жизнь была эта война с правилами всяческими... Родители никогда не подчинялись, даже вот хоть в дачных этих вопросах [...] И так постоянно»* (ж., 64 года, преподаватель); *«Приходили периодически проверяющие, из Москвы приезжали, ну эти ничего в работе не понимали, а начинали с умным видом поучать нас. Я как-то сказала: “Вы чем занимаетесь? Отчеты пишете? Ну и пишите, а работать мы будем”»* (ж., 66 лет, пенсионерка).

Один информант дал в целом положительную характеристику существовавшим в СССР политическим институтам и проводимой политике, отметив, что было «больше порядка», «меньше коррупции», страна играла роль сверхдержавы. Однако подробнее охарактеризовать отдельные политические институты и практики он не смог, отметив лишь, что представления об успехах СССР в политической сфере могут быть продуктом пропаганды: *«Роль (СССР) была закрыта от глаз простых людей, но все были всегда уверены в том, что роль велика и значительна!»* (м., 54 года, охранник).

Только один информант дал «комплексную» оценку советским политическим институтам: выборам, партии, профсоюзам, политическому регулированию экономической сферы, идеологии. В его картине мира советские политические институты изначально создавались на принципах социальной справедливости и гуманизма. Своеобразным каркасом государства, основанием идеологической и институциональной структуры, по мнению информанта, выступала «низовая демократия»: *«Вот выдвижение кандидатов, оно происходило на разных уровнях, в рабочих коллективах, отбор людей – был механизм, были цензы какие-нибудь, но самое главное – выбирали, прежде всего, людей порядочных, которых знали и в которых были уверены... Конечно, потом это помогало и системе управления. Она (низовая демократия) реализовывалась через партию. Партия была во всех, так сказать, уровнях общества»* (м., 75 лет, пенсионер). Оставаясь сторонником идей социализма, в качестве неэффективности советской системы, спровоцировавшей ее распад, информант называл экономику – *«вот уравниловка – она была неустрабима, она победила. Она не дала возможности человеку зарабатывать и жить лучше по результатам своего труда. Вот это желание, чтобы все были причесаны одинаково, вот это вот, я считаю, главная причина, главная ошибка советской власти»* (м., 75 лет, пенсионер).

При описании специфики социальных связей и отношений, существовавших в советское время, информанты очень часто использовали метафору «семейственности». Семейственность выступает в качестве характеристики жизненного уклада, поведенческого паттерна обыденной жизни. Семейственностью определялись и отношения в собственной семье, и в «ближнем круге» – соседей, сотрудников по работе, компании друзей: *«Нас было в семье шесть*

человек, мы жили в общежитии. Коридорная система – там сорок три семьи жило. Но, тем не менее, мы вспоминали, как мы жили одной семьей, в этом коммунальном хозяйстве... не было ни склок, ни скандалов» (м., 75 лет, пенсионер); «У нас двери дома никогда не закрывались, все знали, где лежат ключи, у нас все время останавливались геологи со всего Советского Союза» (ж., 64 лет, преподаватель); «Люди жили просто в СССР, все были приветливыми и ласковыми, ходили друг к другу в гости» (м., 54 года, охранник).

Семейственностью информанты описывают плотные социальные связи, сети поддержки и взаимовыручки: «У нас в комнате в общежитии было шесть девочек, мы были все разные, и все дружили. Все делали вместе. Друг другу женихов искали, замуж выдавали. Со многими мы до сих пор дружим» (ж., 66 лет, пенсионерка). При этом иногда эта семейственность воспринималась как принудительный коллективизм: «Постоянно куча народу, я прихожу из школы – моя комната занята, моя кровать занята, мне негде спать, некуда приткнуться и все время на всех приходилось готовить» (ж., 64 года, преподаватель). Таким образом, семейственность у всех информантов предстает как принцип организации социальной жизни в Советском Союзе, но для информанток семейственность – прежде всего, характеристика отношений в ближнем кругу, оформляющая локальные идентичности. И только один информант отметил, что он считал себя частью макрополитической идентичности – советского народа, и гордился этим. При этом для всех информантов безусловным объединяющим символом была и остается победа во Второй мировой войне: «Вопрос победы 9-го мая он, дай бог, был и останется вечным, в памяти, в жизни, которая дальше будет жить. А дискуссия на эту тему – что дискутировать?» (м., 75 лет, пенсионер); «мы в семье, родители всегда с большим уважением относились к фронтовикам, у отца был комплекс некий, что он не воевал» (ж., 64 года, преподаватель); «мой отец воевал, был ранен, для нас 9 мая – самый значимый день» (ж., 66 лет, пенсионерка).

Для всех информантов старшей возрастной группы перестройка стала рубежом, завершением значимого жизненного этапа. К смене государственной системы они отнеслись по-разному, в основном крайне негативно, так как изменилась личная судьба, в новой системе был утрачен социальный статус, прежде всего профессиональный, значительно сократилось пространство «семейст-

венности». Однако одна из информанток, наоборот, отметила, что «современная система» нравится ей «гораздо больше», так как индивидуализация социальных связей и отношений способствовала большей самореализации и освободила от принудительного коллективизма – *«появилось больше свободы и больше личного выбора»* (ж., 64 года, преподаватель).

При всем разнообразии личного и семейного опыта информанты выделяли практически одни и те же преимущества советской системы: ощущение экзистенциальной безопасности, вытекающее из понятного и позитивного образа будущего: *«Уверенность в будущем была. Ну, может быть, даже так – в завтрашнем дне, потому что будущее – оно какое? Коммунистическое. Нормальному человеку оно представлялось понятным»* (м., 75 лет, пенсионер); культурная сфера – единое политическое и культурное пространство, обеспечивающее возможность беспрепятственного передвижения и коммуникации: *«Та интенсивность культурной и какой-то интеллектуальной жизни, которая была вот в эти вот 70-е, начало 80-х, она была фантастическая и сейчас близко ничего такого нет»* (ж., 64 года, преподаватель), *«Мы жили общим домом, ездили по всей стране, были на юге и на севере. Одна единая страна была. Сейчас этого нет»* (м., 54 года, охранник), отношение к труду, к рабочему человеку: *«Героями были, как это ни странно, люди труда... тогда же была гордость, что ты работаешь где-то, ты рабочий человек»* (ж., 67 лет, пенсионерка).

Все информанты отмечали, что наблюдают в современной реальности советские черты, кто-то с надеждой, кто-то с досадой. Эти советские свойства и практики проявляют себя, по мнению информантов, в сфере управления и руководства (*«советское проявляется в руководстве, у наших начальников, в нашей организации... в самом стиле, что ли, не могу объяснить... такой номенклатурный совковый начальник»*) (ж., 67 лет, пенсионерка) и в сфере социальных отношений и человеческих качеств (*«Я считаю, что на бытовом уровне, отношение людей... – ну конечно, от возраста зависит. А вот люди воспитанные, они такими и остаются, советские люди... Это культура, это отношение к миру!»*) (м., 65 лет, пенсионер).

Ностальгия по советскому периоду так или иначе наблюдается у всех информантов. Если при общей позитивной оценке советского строя ностальгия закономерна, то ее проявления у ин-

формантки, критически настроенной по отношению к системе, это вызывает удивление. Ее ностальгия вытекает из личных воспоминаний и переживаний, не связанных, как считает информантка, с социально-политическим контекстом (молодость, время учебы, друзья и т.д.). Однако значимость средовых факторов в ее интервью все-таки прозвучала в ностальгическом ключе: *«После перестройки мои родители потеряли себя, они в одночасье стали никем... они так и не смогли себя найти в новой системе. Они были известными и уважаемыми людьми, учеными...»* (ж., 65 лет, преподаватель).

Отношение молодого поколения к советскому прошлому

Как мы отмечали ранее, погружение молодого поколения в советское прошлое происходило другими путями и способами, нежели у старшего поколения, в основном посредством косвенного влияния – медиа, друзей, семьи и т.д. Иногда происходила конкуренция между различными картинками советского прошлого, транслируемого разными агентами влияния. Например, могли существенно отличаться мнения разных поколений семьи (родителей и бабушек-дедушек), родителей и школьных преподавателей и т.д. И не всегда история семьи оказывала определяющее влияние на формирование представлений о советском прошлом. Так, один информант отмечал: *«Родители говорили мне одно, но у нас был преподаватель истории, которого я уважал и который много знал по этой теме, ему я доверял больше. Он историк, он смотрел в целом, а у родителей – только свой опыт»* (м., 28 лет, менеджер).

При этом, как оказалось, и личный опыт имел значение. Одна из информанток очень рефлексивно оценила источники информации о советском прошлом: *«Тут получается двойка, потому что информацию бытовую я имела вокруг себя, потому что я родилась в Советском Союзе, и быт... ну очень физический быт, ваша посуда, ваша квартира, люди, которые вас встречают в магазине, это же не изменилось, хотя государство перестало существовать, но все остальное же осталось. Быт и его трансформацию я знаю сама, я в этом выросла, я наблюдала, как это менялось. Информацию я брала и из отношения окружающих меня людей, и из того культурного контекста, который шел еще из*

Советского Союза, из фильмов, из каких-то передач. А с другой стороны, поскольку это начало 90-х, т.е. это такая контркультура, то информацию я брала на противопоставлении: было так – стало так. «Мы меняем это». Ага, значит, это относилось к Советскому Союзу, а то, что пришло – это не Советский Союз, это другое» (ж., 34 года, художник).

Молодые информанты стремятся пропустить информацию, полученную от старших родственников, через собственные «фильтры» и могут смотреть на Советский Союз только сквозь призму его сравнения с современной Россией. Возникновению таких «фильтров», по словам одного из информантов, способствовало желание понять современное состояние страны: «То есть в целом мой фильтр сложился первоначально, потому что я начал все-таки думать о текущем дне когда-то, а потом задумался уже в целом о том, как должно жить государство, как оно должно работать, функционировать. Начинаешь и историю Советского Союза, рассказанную либо в учебниках, либо через историю жизни отдельных людей, тоже пропускать, продумывать, а почему так происходит» (м., 26 лет, репетитор). При этом иногда воспоминания родственников о том времени воспринимаются иронично и скептически: «Там у меня тетя вообще рассказывает, что что-то она за какие-то копейки покупала, вот, столько-то это стоило. Я особо это не слушаю. Ну вот ей стоило, и что?» (м., 28 лет, специалист в госучреждении).

Очень часто в ностальгических воспоминаниях людей, живших в СССР, отчетливо проявляется сожаление по потерянным «уверенности в завтрашнем дне», чувству защищенности и надежде, которые, как правило, связываются с эффективно работающими институтами плановой экономики, образования, здравоохранения и социальной защиты. Элементы этой риторики воспроизводятся в высказываниях молодых информантов:

«Сейчас же смотришь, люди серые, черные, как будто настроение, как бы у людей потерялась надежда. А надежда только в одном случае может быть, когда человек социально защищен. [...] Люди были, по крайней мере одно могу сказать точно, более уверенными в своем будущем, нежели сейчас» (м., 24 года, студент вуза);

«Большинство людей, я думаю, было более счастливо, судя по тому, что я слышу, потому что у них была уверенность в зав-

трашнем дне. Как они говорят, я знаю, что у меня будет работа, что можно постоять в очереди и что-то получишь от государства, или куда-то уедешь, и там как расселение может быть» (м., 28 лет, специалист в госучреждении);

«В Советском Союзе на 3 копейки можно было будь здоров в магазине затовариться, еще и останется. Опять же, все свое, никакого импорта» (м., 37 лет, продавец).

«Уверенность», «спокойная жизнь», стабильность описываются молодыми информантами как базовые условия жизни, стандартные блага, доступные каждому гражданину СССР. Но в рассказах информантов эти блага были не только «твердой основой», но и «потолком», поскольку те, кто стремился как-либо увеличить свои ресурсы, например продвинуться по карьерной лестнице, сталкивались со сдерживающими механизмами политической монополии и плановой экономики:

«Я думаю, большинство людей были более счастливы, потому что большинство людей заинтересованы в более-менее спокойной жизни, в карьере, только мало кто обладает большими амбициями. То есть для людей с амбициями поздний СССР был скорее плох, для большинства людей скорее хорош» (м., 37 лет, продакт-менеджер);

«Кажется, что в целом какие-то базовые потребности людей были обеспечены, по крайней мере так я вижу из общения с теми, с кем мне удастся об этом времени поговорить. Но в то же время кажется, что на этом уровне все и заканчивается, т.е. мне кажется, какими-то более высокими ступенями пирамиды Маслоу, если так говорить дилетантски, тогда вот с этим было похуже» (м., 26 лет, репетитор).

С точки зрения критиков идеологии коммунизма, уверенность в завтрашнем дне не имела под собой реальных оснований, а ее обратной стороной было отсутствие развития. Молодой мужчина, состоящий в партии «Яблоко», видит в такой «уверенности» мифологизацию, поскольку она не соответствовала реальному положению дел, итогом которого стал отказ от советской модели развития:

«Поэтому когда мне говорят, что время Брежнева – это было спокойное время, я в том числе понимаю, что это было не просто спокойное время, но и время без развития особого, и это подтверждается какими-то экономическими, например, источ-

никами. [...] Когда говорят люди о том, что была уверенность в завтрашнем дне, я думаю, что людям говорили о том, что была уверенность в завтрашнем дне. Если бы эта уверенность была бы обоснованной, у нас до сих пор развевался бы красный флаг на Красной площади» (м., 26 лет, репетитор).

Таким образом, в рассказах информантов базовые экономические блага и социальная защищенность, дававшие людям чувство уверенности в завтрашнем дне, теряли ценность в тот момент, когда человек начинал стремиться к большему – будь то политические права и свободы, возможность творческого самовыражения или более высокий уровень финансового достатка.

Советский период описывался молодыми информантами как более справедливый по сравнению с сегодняшним днем. В то время, по мнению информантов, не было такого уровня социального неравенства, который существует в современной России, труд рабочих ценился не меньше, чем труд руководителей:

«Бывали случаи даже, опять же читал, это автобиографическая книга, не помню названия, к сожалению, вот там директор открытым текстом говорит: “Я получаю 380 рублей”. А там какой-то у него рабочий 600 рублей. [...] Он этого даже не стыдился, потому что этот рабочий, он работает руками, ему тяжелее» (м., 24 года, студент вуза).

Однако, как и в случае со стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне, у социального равенства была обратная сторона, связанная с тем, что самореализоваться или получать больше, чем положено по общим стандартам, было затруднительно:

«Жизнь советского человека в большинстве своем была довольно предсказуема. Там зарплаты отличались не сильно, а сделать карьеру тоже было уже непросто. Одна из причин, почему мне кажется, что социальные лифты плохо работали, очевидно, что страна была устроена так. Она была закрытая, с государственной экономикой» (м., 37 лет, продакт-менеджер).

Одна из наиболее часто отмечаемых информантами характеристик советского прошлого – способность государства обеспечить порядок. Опрашиваемые вспоминали об этой особенности применительно к различным этапам развития СССР:

«Многие говорят, что при Сталине были репрессии, но мне при этом нравится то, что не было никакой коррупции – если

что, сразу к стенке. Все деньги крутились в бюджете СССР; все развивалось» (м., 37 лет, продавец).

Достижения советского государства, особенно «брежневского периода», мало кто ставит под сомнение. В представлениях молодых информантов на это время пришелся пик развития СССР в экономике, образовании, науке, культуре. Ностальгическая риторика в этом случае тоже звучит в контексте сравнения того периода с сегодняшним временем:

«Ну и, опять же, что раньше ведь было? Раньше строились предприятия. Сейчас же их не строят, все больше закрывают. И вот пока не будут открывать больше новых предприятий, чем закрывают, мы и будем в социальной яме» (м., 24 года, студент вуза);

«В области культуры и науки Советскому Союзу объективно удалось добиться очень многого. Нынешняя культура, на мой взгляд, не идет ни в какое сравнение. Сейчас мы живем скорее в глобализирующейся культуре, и эта культура, на мой взгляд, гораздо более плебейская» (м., 37 лет, продакт-менеджер).

«Я бы сказал, что в Советском Союзе больше для людей делалось – какие-то разработки, даже оборонка. Даже в нынешние времена черпают идеи из Союза. То есть давно все придумано, а сейчас они только воплощают. Правительство сейчас больше создает условия для себя. Они вроде что-то говорят, но что? Налоги повышаются, цены на бензин растут» (м., 37 лет, продавец).

Говоря об ограничениях развития того периода, информанты отмечали негативную роль марксистских догматов, запрета частной собственности и преград для проявления личной инициативы:

«Ну, экономической тогда культуры вообще никакой особо не было, я так понимаю, все жили в мире догматов марксизма, и я думаю, что это, конечно, очень больно ударило потом по экономике России 90-х, когда просто не было специалистов, которые могли бы объяснить, как работает рынок на самом деле» (м., 26 лет, репетитор);

«На мой взгляд, с точки зрения экономики он (СССР. – Прим. авт.) был не совсем эффективен, потому что не было частной инициативы, это все запрещалось. Потом, регулирование цен было. В некоторых отраслях этого не надо было делать» (м., 28 лет, специалист в госучреждении).

Объяснение необходимости государства быть сильным и развивать экономику один из информантов объяснил тем, что в противном случае оно было бы уничтожено внешними врагами:

«Сверхдержавность, она всегда создается из необходимости. То есть никто не создает империи просто ради понтов. Обычно их создают, потому что были агрессивные соседи, надо было расширяться, расширяться, и в какой-то момент ты создаешь империю» (м., 37 лет, продакт-менеджер).

Одним из аспектов, вызывающих у многих информантов ностальгические воспоминания и гордость за советское прошлое, было положение СССР на международной арене, «величие» и «могущество» страны.

«А раньше все с Советским Союзом считались, побаивались – т.е., по сравнению с нынешним временем, раньше больше уважали. А сейчас взять американцев, Европу – санкции и санкции. Мы ядерная держава, по полезным ископаемым занимаем не последнее место, но сидим как забитые в углу» (м., 37 лет, продавец).

Некоторые ностальгические высказывания информантов основаны на антропологической аргументации, суть которой сводится к тому, что люди в Советском Союзе были лучше – добрее, смелее, сильнее, мотивированнее и т.п.:

«Сейчас вроде как много читать задают в школах, например, но при этом убирают такие книги, как “Как закалялась сталь”, например, которые рассказывают как раз о том, что человеком двигало желание делать как можно лучше. Не только для себя, но и для окружающих в том числе [...] именно как-то помочь другому» (м., 24 года, студент);

«В Советском Союзе же было больше развития, т.е. они готовили людей, может быть, для выхода в космос, для войны с Соединенными Штатами. То есть там люди реально были [подготовленными]. Вот даже просто смотришь по общению с теми, кто тогда жил, они в чем-то умнее были, в чем-то прямо... То есть более героические личности. [...] Сейчас уже человека сложнее куда-то замотивировать. То есть они были более идеалистичны, может быть» (м., 28 лет, специалист в госучреждении).

При этом многие информанты отмечали, что другие качества советских людей во многом проявлялись и в отношениях между разными национальностями, в дружбе и сплоченности, которая была во времена Советского Союза:

«Во дворах все друг друга знали, не собачились, все как-то жили дружно – Советский Союз, одним словом. Всё было по-мирному, по-доброму. [...] Сплоченность была большая, все жили, радовались» (м., 37 лет, продавец).

Сравнивая советское прошлое и российское настоящее, информанты отмечали отсутствие целей, к которым сейчас движется страна. Наличие таких целей, считает один из участников интервью, придает людям смысл жизни и служит стимулом к развитию:

«Самое главное, самое проблемное – отсутствие долгосрочного видения, куда мы идем. В принципе, мне кажется, это не так уж сложно сформулировать, по крайней мере, на уровне страны куда мы идем. [...] Вот это серьезная проблема. Её реально нет, люди это чувствуют, и это сказывается на всем» (м., 37 лет, продакт-менеджер).

Отчасти ностальгию по СССР (в том числе у молодых людей) можно объяснить этим вакуумом, который заполняется идеалистическими и порой мифологизированными образами советского прошлого с его понятными целями, ценностями и авторитетами. И поскольку в настоящем отсутствует что-либо, способное стать заменой этому сильному образу, то прошлое все так же будет выступать в качестве идейного содержания для современности. Вот как об этой проблеме высказался один из информантов:

«Есть куча людей, которые ни дня не прожили при Советском Союзе, но которые ностальгируют тоже, которые считают, что какие-то руководители вроде Сталина, это было то, что нужно России и государству того времени, что Советский Союз нужно возрождать, может быть, в какой-то другой форме, но в тех границах, что все мы один народ и так далее. Я надеюсь на то, что когда память постепенно будет заполняться уже какими-то новыми событиями, то вот это общественное сознание, оно все-таки изменится и запрос на перемены и позволит нам отойти от практик Советского Союза» (м., 26 лет, репетитор).

Переосмысление прошлого в настоящем в представлениях молодых людей связано с возможностью открытого обсуждения истории, в том числе – сложных и неоднозначных событий и деятелей. Такое обсуждение, по мнению информантов, часто блокируется и дискредитируется политическими силами, что лишает перспективы найти решение этой проблемы и прийти к консенсусу:

«С моей точки зрения, это должны быть какие-то общественные обсуждения, дискуссии. Дискуссия не должна как-то табуироваться. [...] Я думаю, что это не сразу, но все-таки через какое-то время облегчит понимание произошедшего и позволит нам лучше осознать все, что произошло, и лучше понимать тех, кто с позицией большинства россиян в каких-то деталях как минимум не согласен» (м., 26 лет, репетитор).

Еще одна проблема, препятствующая возможности обсуждения истории, связана с борьбой враждебно настроенных сторон, которые не хотят слышать друг друга. Так, на вопрос о том, что мешает достижению консенсуса в описании сложных исторических событий, один из информантов высказался следующим образом:

«Наверное, желание идти на компромисс, желание слушать, желание понять другую сторону. То есть нужно понимать, что и те, и те правы в каком-то смысле, что и то, и то было, но нужно выбрать, наверное, что основное. И мне кажется, что есть негативное, но, наверное, надо больше смотреть на позитивное, потому что иначе получится, что вся история – это один негатив» (м., 28 лет, специалист в госучреждении).

Таким образом, молодые информанты указали на отсутствие сформировавшегося языка обсуждения сложных исторических проблем, а также на неготовность политических сил санкционировать такое обсуждение и самим участвовать в нем на правах равнозначной оппонентам стороны.

* * *

В нашем исследовании мы выявили представления информантов о советском государстве и обществе. При этом мы использовали понятие ностальгии как селективного, меняющегося, фрагментарного мнемонического феномена индивидуальной и коллективной памяти.

Проведенное исследование показало, что картины советского прошлого у людей разных поколений, разного уровня образования и другого жизненного опыта довольно разнообразны. Их формирование во многом зависело от контекста, в том числе особенностей социализации. Среди основных институтов социализации, повлиявших на формирование образа СССР, следует осо-

бенно отметить семью. Однако, как показали результаты интервью, ее роль существенно различалась у представителей старшей и более молодой возрастной группы. В первой группе, куда входили представители поколения, основной опыт социализации которых пришелся на годы существования СССР, семья играла роль ценностного и поведенческого «ориентира» относительно восприятия окружающей социально-политической реальности. Картину мира, сформированную в семье, дополняли другие институты социализации, что делало образ СССР в их памяти более целостным и «жизненным» (но не одинаковым у всех собеседников).

У молодого поколения образ прошлого был более фрагментированным, поскольку он не подкреплялся личным опытом «советской жизни», а на влияние семьи (т.е. старшего поколения, обладающего более целостным взглядом на советское наследие) «наслаивались» разнообразные, иногда противоречащие друг другу знания, полученные через другие институты социализации (образование, СМИ и т.д.). Поэтому молодые информанты подвергали критическому переосмыслению семейные воспоминания, но это не обязательно приводило к формированию у них негативного отношения к Советскому Союзу. Молодые информанты оценивали прошлое с позиции сегодняшнего дня, сравнивая современную Россию и СССР. По многим критериям Советский Союз представлялся в более выгодном свете по сравнению с нынешним днем, и даже оппоненты коммунистического режима не отрицали некоторые преимущества и достижения, с которыми связано советское прошлое.

Несмотря на отличия в высказываниях и оценках советского прошлого, ностальгическая риторика информантов из разных поколений наиболее близко сходилась в двух аспектах. Первый из них связан с отмечаемыми опрошенными особыми качествами советских людей и отношениями между ними. Как правило, упоминались семейственность, добрососедство, взаимопомощь, готовность пожертвовать собой ради ценностей и идеалов страны, дружба между народами и единое культурное пространство. Второй аспект относится к признанию достижений государства в обеспечении стабильности и уверенности граждан в завтрашнем дне. Как правило, это объяснялось тем, что государство всем предоставляло базовые социальные гарантии и получило признание на международной арене как мировая сверхдержава.

В то же время некоторые информанты отмечали обратную сторону этих достижений: предоставляя стандартный уровень благ, государство задавало жесткие идеологические и политические рамки, которые могли служить преградой для тех, кто был заинтересован в карьерном продвижении, самореализации, финансовом обогащении и т.п. Для таких информантов Советский Союз предстал в образе «серого мира хмурых людей», с многочисленными «маленькими и большими правилами», ограничивающими нормальное течение жизни.

Сравнение высказываний опрошенных о сегодняшнем дне и советских временах позволяет заключить, что нехватка чувств единения и гордости за страну, а также отсутствие ощущения заботы со стороны государства являются основными элементами, формирующими ностальгические настроения по советскому прошлому.

Список литературы

- Брубейкер П.* Этничность без групп. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Головашина О.В.* Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11 (057). – С. 193–198.
- Касамава В.А., Сорокина А.А.* Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. – С. 107–118.
- Мелешкина Е.Ю.* Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 9–27.
- Мелешкина Е.Ю.* Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 265–289. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.11>
- Радаев В.В.* Миллениалы: как меняется российское общество. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с.
- Andrews M.* Grand national narratives and the project of truth commissions: A comparative analysis // Media, culture and society. – 2003. – Vol. 25, N 1. – P. 45–65. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443703025001633>
- Andrews M.* Shaping history: Narratives of political change. – Cambridge : Cambridge university press, 2007. – 234 p.
- Bartmanski D.* Successful icons of failed time: rethinking post-communist nostalgia // Acta sociologica. – 2011. – Vol. 54, N 3. – P. 213–231. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699311412625>

- Billig M.* Banal nationalism. – London : Sage, 1995. – 208 p.
- Billig M.* Arguing and thinking. – (2-nd ed). – Cambridge : Cambridge university press, 1996. – 334 p.
- Bodnar J.* Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century. – Princeton, NJ : Princeton university press, 1992. – 312 p.
- Boyer D.* Ostalgie and the politics of the future in Eastern Germany // *Public culture.* – 2006. – Vol. 18, N 2. – P. 361–381. – DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-2006-008>
- Brown S.D.* The Quotation marks have a certain importance : Prospects for a “memory studies” // *Memory studies.* – 2008. – Vol. 1, N 3. – P. 261–271. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698008093791>
- Campbell S.* The second voice // *Memory studies.* – 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 41–48. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698007083887>
- Connolly W.* The terms of political discourse. – (3-rd ed). – Oxford : WileyBlackwell, 1993. – 284 p.
- Dremel A., Zekić A.* Bringing the past back to the future : The politics of memory on the example of Yugonostalgia // *Exploring nostalgia: Sad, bad, mad and sweet / Ed. by Dremel A., Juckes D.* – EBook Leiden : Brill, 2019. – P. 23–38. – DOI: <https://doi.org/10.1163/9781848883987>
- Ideological dilemmas: A Social psychology of everyday thinking / *M. Billig, S. Condor, D. Edwards, M. Gane, D. Middleton, A. Radley.* – London : Sage, 1988. – 224 p.
- Klumbytė N.* Post-Socialist sensations: Nostalgia, the self, and alterity in Lithuania // *Changing economies and changing identities in post-socialist Eastern Europe / Ed. by Schröder I., Vonderau A.* – Halle studies in the anthropology of Eurasia. – Halle : LIT Verlag, 2008. – P. 27–45.
- Matejova M.* Why was “communism better”? Re-thinking inequality and the communist nostalgia in Central Europe // *Journal of comparative politics.* – 2018. – Vol. 11, N 1. – P. 66–83.
- Nikolayenko O.* Contextual effects on historical memory: Soviet nostalgia among Post-Soviet adolescents // *Communist and post-communist studies.* – 2008. – Vol. 41, N 2. – P. 243–259. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2008.03.001>
- Olick J.* The Politics of regret : On collective memory and historical responsibility. – London : Routledge, 2007. – 238 p.
- Post-Soviet nostalgia : Confronting the empire’s legacies / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. – London : Routledge, 2019. – 254 p.
- Rekšć M.* Nostalgia for communism in the collective imaginations // *Procedia – Social and behavioral sciences.* – 2015. – N 183. – P. 105–114. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.852>
- Sherlock T.* Russian politics and the soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // *Communist and post-communist studies.* – 2016. – Vol. 49, N 1. – P. 45–59. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.01.001>
- Sierp A.* Nostalgia for times past on the uses and abuses of the Ostalgie : Phenomenon in Eastern Germany // *Contemporary European studies.* – 2009. – N 2. – P. 45–58.
- Trust and democratic transition in post-communist Europe / Ed. by Marková I. – Oxford : Oxford university press, 2004. – 232 p.

Velikonja M. Titostalgia : A study of nostalgia for Josip Broz. – Ljubljana : Peace Institute, 2008. – 146 p.

Velikonja M. Lost in transition // East European politics and societies. – 2009. – Vol. 23, N 4. – P. 535–551. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325409345140>

White S. Soviet nostalgia and Russian politics // Journal of Eurasian studies. – 2010. – Vol. 1, N 1. – P. 1–9. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2009.11.003>

A. Yu. Dolgov, E.Yu. Meleshkina, O.A. Tolpygina*

From nostalgia to understanding the present: perception of the USSR by different generations

Abstract. The article analyzes the perception of the USSR of Russian citizens. The case of the Moscow inhabitants' narratives shows what the peculiarities of the image of the Soviet Union, and how the characteristics of socialization and other individual and collective experience influence the evaluation of the Soviet past and its legacy. The theoretical framework of the study is relied on the concept of nostalgia as a selective, changing, fragmented mnemonic phenomenon. The findings of the article are based on the results of an in-depth interview (N=11), which showed that people of different generations with different levels of education and disparate life experiences had a variety of perception of the Soviet past. Its formation largely depended on the context, including the characteristics of socialization. The representations of the older generation about the Soviet Union are more holistic, the family played the main role in formation of their pictures of Soviet past. The image of the USSR among the younger generation is more contradictory and fragmentary, and social and political institutions played a significant role in its formation. Despite critical remarks about the USSR, the informants showed nostalgic sentiments. A comparison of the statements of the respondents about the present day and the Soviet times allows us to conclude that the main elements shaping these sentiments are a lack of feelings of unity and pride in the country, as well as a lack of a sense of the state's concern for people.

Keywords: Soviet Union; nostalgia; identity formation; memory of the past; socialization.

For citation: Dolgov A. Yu., Meleshkina E. Yu., Tolpygina O.A. From nostalgia to understanding the present: perception of the USSR by different generations. *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 245–273. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>

* **Dolgov Alexander**, Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (INION); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: adolgov@hse.ru; **Meleshkina Elena**, Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (INION); Moscow state institute of international relations (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru; **Tolpygina Olga**, Samara national research university (Samara, Russia); Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (INION) (Moscow, Russia), e-mail: olga.antol@gmail.com

References

- Andrews M. Grand national narratives and the project of truth commissions: A comparative analysis. *Media, culture and society*. 2003, Vol. 25, N 1, P. 45–65. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443703025001633>
- Andrews M. *Shaping history: Narratives of political change*. Cambridge : Cambridge university press, 2007, 234 p.
- Bartmanski D. Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia. *Acta sociologica*. 2011, Vol. 54, N 3, P. 213–231. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699311412625>
- Billig M. *Banal nationalism*. London : Sage, 1995, 208 p.
- Billig M. *Arguing and thinking*. 2-nd ed. Cambridge : Cambridge university press, 1996, 334 p.
- Billig M., Condor S., Edwards D., et al. *Ideological dilemmas: A social psychology of everyday thinking*. London : Sage, 1988, 224 p.
- Bodnar J. *Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century*. Princeton, NJ : Princeton university press, 1992, 312 p.
- Boele O., Noordenbos B., Robbe K. (eds). *Post-Soviet nostalgia: Confronting the empire's legacies*. London : Routledge, 2019, 254 p.
- Boyer D. Ostalgic and the politics of the future in Eastern Germany. *Public culture*. 2006, Vol. 18, N 2, P. 361–381. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-2006-008>
- Brown S.D. The Quotation marks have a certain importance: Prospects for a “memory studies”. *Memory studies*. 2008, Vol. 1, N 3, P. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698008093791>
- Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow : HSE, 2012, 408 p. (In Russ.)
- Campbell S. The second voice. *Memory studies*. 2008, Vol. 1, N 1, P. 41–48. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698007083887>
- Connolly W. *The terms of political discourse*. 3-rd ed. Oxford : WileyBlackwell, 1993, 284 p.
- Dremel A., Zekić A. Bringing the past back to the future: The politics of memory on the example of Yugonostalgia. In: Dremel A., Juckes D. (eds). *Exploring nostalgia: Sad, bad, mad and sweet*. EBook Leiden : Brill, 2019, P. 23–38. DOI: <https://doi.org/10.1163/9781848883987>
- Golovashina O.V. Image of the Soviet Union in social memory of Russians (On materials of empirical research). *Social-economic phenomena and processes*. 2013, N 11 (057), P. 193–198. (In Russ.)
- Kasamara V.A., Sorokina, A.A. The image of the Soviet Union and present-day Russia in the reflections of the student youth. *Social sciences and contemporary world*. 2014, N 1, P. 107–118. (In Russ.)
- Klumbytė N. Post-Socialist sensations: Nostalgia, the self, and alterity in Lithuania. In: Schröder I., Vonderau A. (eds). *Changing economies and changing identities in post-socialist Eastern Europe*. Halle studies in the anthropology of Eurasia. Halle : LIT Verlag, 2008, P. 27–45.
- Marková I. (ed). *Trust and democratic transition in post-communist Europe*. Oxford : Oxford university press, 2004, 232 p.

- Matejova M. Why was “communism better”? Re-thinking inequality and the communist nostalgia in Central Europe. *Journal of comparative politics*. 2018, Vol. 11, N 1, P. 66–83.
- Meleshkina E. Yu. Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics. *Political science (RU)*. 2018, N 3, P. 265–289. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.11> (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. Studies of stateness: What lessons could be drawn? *Political science (RU)*. 2011, N 2, P. 9–27 (In Russ.)
- Nikolayenko O. Contextual effects on historical memory: Soviet nostalgia among Post-Soviet adolescents. *Communist and post-communist studies*. 2008, Vol. 41, N 2, P. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2008.03.001>
- Olick J. *The Politics of regret: On collective memory and historical responsibility*. London : Routledge, 2007, 238 p.
- Radaev V.V. *Millennials: how the Russian society changes*. Moscow : HSE publishing house, 2020, 224 p. (In Russ.)
- Rekšć M. Nostalgia for communism in the collective imaginations. *Procedia – Social and behavioral sciences*. 2015, N 183, P. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.852>
- Sierp A. Nostalgia for times past on the uses and abuses of the Ostalgie: Phenomenon in Eastern Germany. *Contemporary European studies*. 2009, N 2, P. 45–58.
- Sherlock T. Russian politics and the soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. *Communist and post-communist studies*. 2016, Vol. 49, N 1, P. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.01.001>
- Velikonja M. *Titostalgia: A study of nostalgia for Josip Broz*. Ljubljana : Peace institute, 2008, 146 p.
- Velikonja M. Titouage – nostalgia for Tito in post-socialist Slovenia. *Sozialgeschichte und soziale Bewegungen in Slowenien*. 2009, Vol. 41, P. 159–169. DOI: <https://doi.org/10.13154/mts.41.2009.159-169>
- White S. Soviet nostalgia and Russian politics. *Journal of Eurasian studies*. 2010, Vol. 1, N 1, P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2009.11.003>